

В 9.00 утра 5 июля Луи сидел в своем кресле и смотрел на несколько пустых бланков назначений на своем столе. Именно их он выпросил вчера у Людовика XVI. Самый важный из них предназначался для назначения начальника французской гвардии, остальные — для должностей батальонного уровня.

Это была рискованная авантюра, потому что исторически французская армия была вовсе не на стороне короля, только немецкая преторианская гвардия под командованием Ламберского, но Луи не может их использовать, ведь последствия приведут к гневу всего населения Парижа.

Вместо этого Луи хотел использовать армию Бертье. Самое худшее, что может случиться, — это замена одной группы мятежников другой, подумал Луи.

Вдруг камердинер Луи, Лундаль, вошел в кабинет, чтобы сообщить, что Прибыли американский посол и маркиз Лафайет.

Луи встал и пошел к двери, чтобы встретиться с Томасом Джефферсоном и Лафайетом.

Поприветствовав их, Луи пригласил Томаса и маркиза присесть на диван в своем кабинете и приказал своему камердинеру принести три чашки чая и тарелку миндальных печений.

Помимо Наполеона и Вашингтона, Луи запомнился из учебников истории Томас Джефферсон.

Хотя в более поздние времена он не испытывал каких-то особых чувств к Соединенным Штатам Америки, он глубоко уважал отцов-основателей этой страны, подписавших Декларацию независимости.

Эти мудрецы были образцом истинной строгости к другим и снисходительности к себе. Они могли ругать британского короля за его жестокость по отношению к американцам и в то же время безжалостно эксплуатировать и грабить цветное население американского континента.

Они также образцово сносили мосты, когда пересекали реки, и переворачивали столы, когда заканчивали трапезу. Обманув Людовика XVI, что помог американцам обрести независимость, Франция пополнила свой долг на 2 миллиарда ливров и потеряла Луизиану. Самое смешное, что американское правительство восхваляло Французскую революцию, когда семье Людовика XVI отрубили головы.

Поговорив с Томасом о франко-американской дружбе и своем восхищении им, Луи перешел к делу: «Месье Джефферсон, я слышал, что в последние годы в Америке был исключительно хороший урожай пшеницы?».

«О, да, Ваше Высочество». — с этим вопросом, Томас, казалось, теперь имел некоторое представление о том, по какому поводу Луи хотел его видеть, ведь его лицо изменилось.

«Могло бы американское правительство продать Франции некоторое количество пшеницы по номиналу?».

«Ваше Высочество, этот вопрос должно решить моё правительство. Я готов передать вашу просьбу, когда вернусь домой». — Томас тут же отказал Луи.

«Но разве вы не возвращаетесь домой, чтобы занять пост государственного секретаря? Думаю, вы как раз вправе решать». — возразил Луи.

«Откуда вы знаете?».

«Мистер Джефферсон, вы будете государственным секретарем?».

Томас и маркиз Лафайет сказали это в унисон.

Луи взял печенье и улыбнулся: «Откуда я узнал об этом? Кто знает».

Конечно, он прочитал это в одном историческом журнале 21-го века.

Томас знал, что маленький хитрец не скажет ему, откуда у него эта информация.

«Ну, скажем так, это вполне возможно, мистер Лафайет». — Томас обернулся к маркизу и сказал.

«Тогда заранее поздравляю, мистер Джефферсон. Значит ли это, что правительство Соединенных Штатов поставит Франции партию пшеницы по номиналу?». — спросил Лафайет.

«Все, что я могу сказать, это то, что я сделаю все возможное». — Томас слегка покраснел, когда говорил это.

«Конечно вы сделаете все возможное, ведь французский народ не забыл свою дружбу с американским народом, мы сражались вместе в войне за независимость, и точно так же американский народ обязательно протянет руку помощи голодающему французскому народу, не так ли?». — Луи сказал с улыбкой.

На самом деле, Луи было все равно, согласятся ли американцы помочь или нет, но эта новость наверняка успокоит голодающих парижан, и даже если Соединенные Штаты откажутся, жители Парижа будут возмущены тем, что именно американцы пошли на попятную, а не королевская семья.

Что касается Томаса Джефферсона, то он ненавидел Луи. Он хотел лишь встретиться с наследным принцем, который сделал шокирующее заявление в Национальном собрании, и не хотел ничего обещать королевской семье Бурбонов. За годы работы послом он насмотрелся на политические проблемы Франции, и ему казалось, что Франция стоит на пороге революции и что это лишь вопрос времени, когда между Соединенными Штатами и королевской семьей Бурбонов больше нечего будет обсуждать.

Когда он отправлял несколько подавленного американского посланника, Луи спросил маркиза Лафайета: «Есть ли у вас какие-нибудь известные газеты, что готовы напечатать нужные слова?».

«Ваше Высочество, не волнуйтесь, я все устрою, когда вернусь, добрые дела американцев не будут забыты народом Франции». — Маркиз Лафайет, подмигнув Луи, ответил.

В этом мире так много умных людей, каждый раз, когда ты говоришь что-то вполголоса, другой человек уже все понимает, подумал Луи.

В своем кабинете Луи продолжал думать: теперь, когда Национальное собрание разделено тремя внесенными им законопроектами, он должен воспользоваться этой возможностью, чтобы сблизиться с парижанами и разорвать невидимый союз между ними и Национальным собранием.

В разгар размышлений Лундаль сообщил Луи, что его советник Бертье попросил принять его, и когда Бертье вошел, Луи сказал Лундалю в присутствии Бертье: «В будущем, когда я не буду встречать гостя, советник Бертье сможет видеть меня в любое время, без предварительного уведомления».

«Благодарю вас, дофин, я всегда к вашим услугам, вплоть до гроба». — сказал Бертье, очень тронутый.

«Месье Бертье, мне не нужно, чтобы вы служили мне до смерти, мне нужно, чтобы вы хорошо служили Франции». — ответил Луи.

Французские офицеры в эпоху Великой революции охотно служили непобедимому полководцу, который вел их от победы к победе, а не чванливому Людовику XVII. Но даже когда Наполеон вознаградил преданных ему французских генералов постоянными наградами и несметными суммами денег, они бесцеремонно предали своего императора после поражения Наполеона и снова склонили колено перед Бурбонами. Поэтому у Луи хватило здравого смысла не принимать слова Бертье близко к сердцу.

Затем Бертье рассказал ему, что нашел коллег, с которыми служил раньше, некоторые из них были бездельниками, а некоторые все еще служили в королевской гвардии в качестве низших офицеров. Все они были персонажами, которые хорошо знали Париж.

Луи спросил: «Где они сейчас?».

«Пьют в таверне возле казарм, полагаю».

«Тогда давайте отправимся сейчас». — приказал Луи.

«Сейчас?». — Бертье был удивлен, на его памяти знатные вельможи не хотели даже приближаться к казармам, не говоря уже о тавернах, куда ходили обычные солдаты.

«Ваше Высочество, это небезопасно». — Выслушав приказ Луи, Лундаль протестовал.

«Неважно, я доверяю месье Бертье мою безопасность, не так ли, месье Бертье?».

«Конечно, никто не сможет навредить вам, пока я жив». — заверил Бертье с красным лицом.

А потом Луи велел Лундалю сходить к главному управляющему за деньгами и взять на кухне немного хлеба.

В просторной карете до Парижа Бертье рассказывал о своих однополчанах, все из которых служили в том же полку, что и он, и об отставном втором лейтенанте, который, как и он, участвовал в американской войне за независимость и был метким стрелком, попадая с 50 метров в 9 случаев из 10.

Вскоре они прибыли в Париж.

Как любитель истории, Луи был наслышан о красоте древнего Парижа. Но с приходом в город Луи наконец-то понял, почему французская королевская семья настаивала на том, чтобы не возвращаться в Париж.

Улицы были полны нечистот, чего только стоил холм навоза за городом, который был почти такой же высоты, как городские стены. Когда дул ветер, вонь тут стояла неимоверная.

После нескольких рвотных позывов, Луи получил представление о том, как сильно мучились жители Парижа во время Французской революции.

Возможно, обезглавливание — это не совсем пытка, но что настоящая пытка — это жить как простолюдин в Париже XVIII века, ведь приходилось жить от рождения до смерти в таких условиях.

Проходя через площадь у входа в какой-то дворец, Луи заметил, что там собрались сотни людей, а посреди площади на помосте выступал человек.

«Где мы?».

«Возле Орлеанского дворца, Ваше Высочество». — ответил Бертье.

«Остановите карету, давайте спустимся». — Луи сказал своему камердинеру, отчасти для того, чтобы услышать, о чем думают жители Парижа, а отчасти для того, чтобы восстановиться после рвотных позывов.

В неприметном уголке Бертье провел Луи в толпу.

Возможно, Бертье слишком нервничал, но несколько человек посмотрели на него. Впрочем, их глаза быстро вернулись к центру площади, к говорившему человеку.

Луи же намеренно переоделся в придворный наряд перед выходом, дабы никто не узрел в нем дофина Франции.

Люди бросали взгляды на него, но не обращали внимания. Один из них, однако, заметив его медленно отходил от остальных, когда они толпой проходили мимо.

Стоя в толпе, Луи слушал речи, но чем больше он слушал, тем больше чувствовал, что что-то не так.

Пропагандировать республиканизм, свободу и равенство — это правильно, но какой смысл заканчивать каждую речь нападками на королевскую семью и восхвалением герцога Орлеанского?

К тому же, время от времени, кто-то выходил из дворца с несколькими бумагами, а потом выносил их на сцену и читал.

Простояв несколько минут, Луи жестом велел Бертье отвести его к карете.

После того, как они сели в карету, он спросил: «Значит, это дворец герцога Орлеанского?».

«Да». — ответил Бертье.

«Когда здесь началось собрание людей? Они ведь приходят сюда регулярно?».

«Вероятно, примерно во время конференции Третьей степени в мае».

Луи потерял дар речи: существовать так долго, и чтобы Людовик XVI ничего об этом не знал, было слишком большим умопомрачением.